Виктор ГРИШИН

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ИННОВАЦИЙ И КАДРЫ

В статье анализируется ряд проблем пространственного развития экономики России. На их примере рассматриваются некоторые вопросы подготовки кадров высшей квалификации.

Ключевые слова: Высшая школа, подготовка кадров, экономика инноваций, экономическое пространство

Одно из наименований экономики инноваций — «экономика знаний»¹. Связано это с тем, что человеческий капитал — это и *исходная точка*, и конечная цель ее развития.

И действительно, несмотря на появление новых технологий хранения, распространения и переработки информации, главным ее носителем остается человек. Но осознается ли в полной мере эта взаимосвязь при разработке и реализации планов модернизации?

Осознается, но пока не в полной мере. Чтобы показать это, мы затронем некоторые вопросы управления пространственным развитием отечественной экономики, рассмотрев также ряд проблем подготовки специалистов в данной области.

Пространство, федеративные отношения, модернизация

Наука пока не предложила четкого определения терминов «пространственная экономика» и «политика пространственного развития». Но, как мы полагаем, концептуально и методологически это направление исследований связано со сформировавшимися еще в СССР теориями размещения производительных сил, а также с практикой управления территориями и территориально-производственными комплексами. И хотя термин «пространственные аспекты экономического роста» в тот период не использовался, созданные отечественной наукой, практикой управления и системой подготовки кадров заделы значимы и сегодня. Но только при одном условии. Если признать, что произошедшие за двадцать лет реформ качественные изменения социально-

¹ См., напр.: *Макаров В.Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес-Атлас, 2010; *Попов Е.В., Власов М.В.* Институты знаний. Екатеринбург: Институт экономики УРО РАН, 2012 и др.

экономической ситуации требуют *наполнения новым содержанием* ранее сложившихся представлений о пространственных факторах роста и их особенностях.

Каким должно быть это наполнение?

Длительное время господствовало мнение, что при формировании в России рынка *государственное воздействие на экономику*, равно как и на развитие производительных сил, *сужается*. Как по кругу проблем, так и по набору инструментов их решения.

Этот вывод верен по двум причинам.

Первая. Рынок существенно ограничивает сферы, где государство косвенно (через учреждение особых экономических зон и пр.) либо прямо (через государственное софинансирование инвестиционных проектов) способно реально воздействовать на размещение производительных сил.

Вторая. Далеко не все возможности такого воздействия сегодня используются органами власти и управления Российской Федерации, по причине неэффективности менеджмента.

Однако при всей важности эти обстоятельства нельзя считать главными при определении роли пространственных факторов в развитии экономики.

Попытаемся это показать.

В начале реформ считалось, что создание единого экономического пространства обеспечивает взаимосвязь субъектов рынка, что именно данная взаимосвязь устраняет административно-территориальные барьеры, сдерживающие перемещение товаров, капиталов и рабочей силы по территории страны. Подход этот оказался экономически оправданным: сегодня ограничивающие межрегиональный обмен административные барьеры исчезли, а случаи, когда местные власти ограничивают ввоз-вывоз товаров на подведомственные им территории, скорее — исключение, нежели правило.

Означает ли это, что формирование единого экономического пространства завершено? Полагаем, для подобного утверждения нет достаточных оснований.

Так, Правительство Российской Федерации, пусть и не без проблем, обеспечило относительное финансовое выравнивание, а также определенное «сглаживание» различий в уровне жизни населения субъектов Федерации². Однако подобное выравнивание не способно помочь в преодолении социально-экономической дифференциации регионов³, глубина которой дает основание предположить, что их экономики находятся на различных стадиях развития. А это позволяет говорить *только о формальном единстве* экономического пространства страны.

Но главное не в этом, а в том, что при такой ситуации уже не административные барьеры, а законы рынка объективно работают не «на», а «против» *укрепления данного пространства*. Прежде всего потому, что

² За счет действия механизмов финансового выравнивания изначальный разрыв в финансовой обеспеченности между десятью наиболее богатыми и десятью особо бедными регионами сократился с 6–7 раз до примерно 1,5–2 раз.

³ По оценкам Минрегиона, совокупный ВРП десяти регионов — экономических лидеров составляет 52% ВРП всех субъектов Федерации; а десяти самых бедных субъектов Федерации — всего 1% совокупного ВРП.

отстающие регионы оказываются ненужными регионам-лидерам, т.к. не являются для них ни значимыми партнерами, ни достаточно емким рынком сбыта продукции. Отстающие субъекты Федерации воспринимаются регионами-лидерами как насос, откачивающий (через механизмы бюджетного перераспределения) ресурсы, необходимые для собственного социально-экономического развития.

Неверно утверждать, что эта проблема осталась незамеченной. Она достаточно подробно проанализирована в экономической литературе. Предпринимались попытки и ее практического решения.

Например, неоднократно разрабатывались долгосрочные концепции федеральной политики регионального развития. Предпринимались попытки свести основные цели и инструменты этой политики в особом федеральном законодательном акте (некоторое время даже действовала специальная федеральная целевая программа⁴). Не раз делались шаги в направлении реформирования системы межбюджетных отношений (в т.ч. с целью побудить дотационные регионы развивать экономику и расширять налогооблагаемую базу)⁵. Наконец, разрабатывались и реализуются территориальные целевые программы социально-экономического развития регионов и макрорегионов. Но сколько-нибудь зримого результата достичь не удалось⁶.

Одна из причин этого – сдерживание попыток экономического выравнивания *моделью сырьевого развития*. В ее рамках сырьедобывающие регионы «выталкиваются» вверх, а субъекты Федерации с развитой переработкой обрекаются на отставание, вплоть до социально-экономической деградации. И вызвано это тем, что структурная перестройка экономики является для данной модели «чужеродной», ориентируя высший менеджмент на поиск *не инновационных* механизмов формирования доходов компаний.

Как мы полагаем, опасность модели сырьевого развития не ограничивается повышением вероятности утраты наших позиций на мировом рынке. Главное в том, что, будучи дополненной политикой либерализации, она способна привести к ситуации, угрожающей целостности стра-

⁴ Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации» (на 2002–2010 гг. и до 2015 г.). Утверждена Постановлением Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717. Объем финансирования программы 2002–2006 гг. составил 25 млрд руб. Из федерального бюджета выделено 11,2 млрд руб., из региональных бюджетов – 12,9 млрд руб., из внебюджетных источников – 11,1 млрд руб. Реализация программы была завершена досрочно (в 2006 г.) и более в таком виде она не возобновлялась.

⁵ Такой подход реализуется и сегодня (создание специального фонда стимулирующих дотаций в размере примерно 10 млрд руб. ежегодно). Но, во-первых, такая практика противоречит смыслу дотации как инструмента бюджетной политики. Во-вторых, сумма в 10% (примерно 2% общей величины дотаций субъектам Федерации) не сообразна задаче стимулирования активной экономической и налогово-бюджетной политики на региональном уровне.

⁶ Данный факт подвел ряд экспертов к мысли, что политика регионального экономического выравнивания себя исчерпала, что она неэффективна по определению, о чем свидетельствует, например, опыт ряда стран ЕС (подробнее см., напр.: *Минакир П.* Мифы и реальности пространственных экономических диспропорций // *Федерализм*. 2011. № 1. С. 43–56; *Ионов Ч.Х.-Б.* Некоторые аспекты выравнивания уровней социально-экономического развития регионов страны // *Региональная экономика: теория и практика*. 2012. № 33. С. 2–5 и др.).

ны, по причине *деформации и дезинтеграции* ее экономического пространства.

Избежать подобного сценария развития событий можно при условии, если федеральная и региональные стратегии социально-экономического развития будут ориентироваться на обеспечение:

- единства экономического пространства страны;
- баланса интересов Федерации и ее субъектов;
- включение регионов различных уровней социально-экономического развития в формирование национальной инновационной системы.

А это ставит перед наукой и практикой иные, нежели решаются сегодня, задачи. Эти новые задачи позволяют говорить о занятии пространственного «среза» *ключевого места* в экономической политике государства. В т.ч. потому, что «политика пространственного развития экономики» и «федеральная политика регионального развития» начинают во многом совпадать.

Некоторые направления федеральной государственной региональной политики

Исследователи уже не раз акцентировали внимание на том, что по мере инновационной модернизации сформируются качественно новые основы экономического выравнивания регионов⁷. Однако механизмы создания таких основ пока не просматриваются. Ясно лишь, что использовавшиеся многие годы методы, базирующиеся на механическом перекачивании средств из одних регионов в другие, несостоятельны, а их эффективность (даже если в них встраивается стимулирующая компонента) не соответствует ожидаемой.

Для повышения этой эффективности более перспективной представляется политика, использующая методы программно-целевого регулирования. Но она осуществима, только если будет сориентирована *на выравнивание* не доходов региональных бюджетов, а *возможностей субъектов Федерации* встроиться в процесс инновационной модернизации.

Чтобы это произошло, в федеральных программах регионального развития, равно как в отдельных проектах и инструментах налогово-бюджетной политики, следует, во-первых, учесть место каждого региона в стратегии инновационной модернизации.

Во-вторых, сориентировать эти документы на интегрирование региональных экономик в национальную инновационную систему.

При таком подходе «пространственный срез» развития экономики *становится доминантой* не только федеральной политики регионального развития, но и документов, конкретизирующих конкретные направления ее реализации⁸.

⁷ *Кормишкина Л.А.* Формирование национальной инновационной системы как основа снижения дифференциации экономического пространства современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 2. С. 24–29.

⁸ Документы, не отвечающие этому требованию, не должны приниматься к рассмотрению. Таковым, например, является размещенный на сайте Минрегиона «Проект

Полагаем, что данный взгляд на проблему отчасти просматривается в представленном Минрегионом в 2012 г. и в целом одобренном Правительством, проекте государственной программы Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения» (далее – Программа). Однако, понимая, что столь масштабный проект, по мере достижения его промежуточных целей, потребует обогащения, ниже мы сформулируем предложения, которые, возможно, повысят его результативность.

Рассмотрение документа шло параллельно с обсуждением программы «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации»⁹. Полагаем, это не было случайным. Не подлежит сомнению, что, если налоговый эффект от развития региональных экономик и далее будет «уплывать» из субъектов Федерации, приоритеты модернизации, как и иные основополагающие цели политики регионального развития, будут просто декларациями¹⁰. Но предложения по совершенствованию управления региональными и муниципальными финансами, к сожалению, не выходят за рамки мер, которые, как мы уже писали, не оказали позитивного воздействия ни на экономическую политику регионов, ни на их развитие¹¹.

Стимулирование субъектов Федерации «премиальными» дотациями – малоэффективный инструмент, особенно на этапе формирования экономики инноваций. Инновационная экономика – это экономика с высокой добавленной стоимостью, а потому главным стимулом ее формирования, в т.ч. на региональном уровне, являются не дотации, а межбюджетное распределение налога, связанного с обложением добавленной стоимости (т.е. с НДС).

Однако этого недостаточно.

В стране имеются регионы, потенциал инновационного развития которых столь мал, что стимулирующие дотации и даже налоговые доли не способны что-либо кардинально изменить в их экономиках¹². В этой

Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 года», в котором ничего не говорится ни об инновационном развитии российской экономики, ни о том, что курс на модернизацию – это качественно новый этап политики регионального развития. / URL: http://www.minregion.ru/upload/documents/2011/03/2403/koncept_reg_pol.doc.

⁹ Государственная программа «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации» утверждена Распоряжением Правительства РФ от 18 марта 2013 г. № 376-р. Программа рассчитана на 2013–2020 гг. и предусматривает расходование около 5,5 трлн руб. на такие цели, как поддержание устойчивого исполнения бюджетов субъектов Федерации и местных бюджетов, а также содействие повышению качества управления региональными и муниципальными финансами.

¹⁰ По этому вопросу см.: Бухвальд Е.М. Политика регионального развития и реформирование российской модели бюджетного федерализма // Мир перемен. 2012. № 4. С. 67–83.

¹¹ Это, например, 10 млрд руб. стимулирующих дотаций субъектам Федерации; укрупнение субсидий; переход с 2014 г. к системе «единой субвенции» и пр. Из выступления А.Г. Силуанова на заседании Правительства РФ 18 февраля 2013 г. С сайта Правительства РФ / URL: <http://www.government.ru/stens/22850/>

¹² Как показали проведенные в РЭУ им. Г.В. Плеханова исследования (см.: Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Кольчугина А.С. Региональные ограничители модернизации российской экономики // Федерализм. 2012. № 4. С. 165–179), вхождение субъектов

связи, возможно, следует перейти к модели межбюджетных отношений, предусматривающей *различные системы стимулирования* и поддержки экономик разных групп (типов) субъектов Федерации¹³. И если наше предложение будет признано целесообразным, рассматриваемую Программу следовало бы дополнить конкретизацией места и роли федеральных и региональных «институтов развития». Такие институты способны стать мощными инструментами продвижения инновационных процессов в региональные экономики. Особенно это касается субъектов Федерации, где процесс инновационной модернизации будет наиболее сложным.

Например, было бы логичным включить в рассматриваемый документ подпрограмму регулирования территориального «среза» деятельности федеральных «институтов развития» (федеральных особых экономических зон, Инвестиционного фонда РФ¹⁴, государственных корпораций и пр.), а также подпрограмму создания и поддержки аналогичных институтов регионального уровня (региональных особых экономических зон, промышленных парков, промышленных кластеров и пр.). Данное предложение распространяется также на «зоны территориального развития»¹⁵.

Принципиально важный пробел современной отечественной политики регионального развития – *ее программная раздробленность*. Одним из способов его заполнения могла бы стать интеграция в Программе действующих федеральных целевых программ территориальной направленности в форме подпрограмм. Это позволит перейти к единой системе разработки и реализации таких программ, а также к обобщенному мониторингу их результативности.

Однако самые лучшие начинания не дадут позитивного результата без *адекватного кадрового подкрепления*. Поэтому, например, в рассматриваемую Программу целесообразно включить подпрограмму *кадрового обеспечения* федеральной политики регионального развития, а также реформирования федеративных отношений и совершенствования системы местного самоуправления.

Но мало подготовить специалистов. Требуется их постоянная переподготовка на основе методов очного и дистанционного обучения. Данную задачу можно, например, решить путем создания Центра дистанционного обучения, повышения квалификации и консультирования при Минрегионе.

Как мы полагаем, сказанное в двух предшествующих разделах статьи подводит к очевидному выводу: формирование пространственных стра-

Федерации в экономику инноваций будет различаться и по срокам, и по механизмам, и по институтам.

¹³ Для регионов-лидеров такую роль могла бы играть, например, определенная доля от НДС, а для наиболее отсталых – специальные федеральные программы модернизации их экономик, содействие (софинансирование) со стороны федеральных институтов развития и т.п. (см.: Симметрия и асимметрия в российской модели федеративных отношений. М.: Институт экономики РАН, 2012. С. 32–50).

¹⁴ С учетом перспективы его предполагаемой трансформации в Фонд развития Российской Федерации.

¹⁵ К сожалению, за время, прошедшее после принятия Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации», они так и не были внедрены в практику территориального управления.

тегий развития экономики под силу лишь *системно мыслящим профессионалам*. Только они способны, не ограничиваясь вопросами размещения производительных сил либо стратегиями развития корпораций, *решать задачу организации экономического пространства*. Однако в стране (как, впрочем, и в мире) ощущается катастрофическая нехватка ученых и практиков, готовых осмыслить и решить задачу подобного уровня сложности.

Человек — ключевой фактор экономики инноваций

Мировой опыт доказывает, что переход к инновационной модели развития экономики не осуществим, если инновационное мировоззрение *как стиль мышления и образ действий* остается достоянием узкой группы ученых, экспериментаторов, инженеров. Необходимо, чтобы оно доминировало в поведении основной части работников, в т.ч. управленцев. И главная сфера практического решения этой задачи — это высшее образование.

В последнее время здесь происходят позитивные изменения, призванные вывести Высшую школу на уровень мировых стандартов. Но это лишь первые шаги реформы *системы высшего образования*. Они могут оказаться бессмысленными и даже опасными, если не будут сопровождаться оценкой результативности работы вузов не «вообще», а с учетом требований к подготовке кадров *со стороны экономики инноваций*.

К сожалению, данный императив часто не принимается во внимание.

Так, в последнее время средства массовой информации заполнены материалами, доказывающими, что Высшую школу охватила страсть к фабрикации гуманитариев. Особенно экономистов и юристов, реальный уровень знаний которых далек от потребностей практики.

И это действительно так. По оценкам, лишь половина выпускников с дипломом экономиста устраивается на работу по профилю (у юристов эта доля еще ниже).

Казалось бы, что здесь плохого? Ведь избыток на рынке труда выпускников должен формировать конкурентную среду, позволяя работодателю выбирать более достойных претендентов на вакантные должности.

Однако это иллюзия, и стратегически позитив здесь эфемерен.

Во-первых, потому, что израсходованные на обучение государственные средства, равно как и средства домашних хозяйств, оказываются потраченными впустую.

Во-вторых, потому, что количество здесь крайне редко переходит в качество, а низкий уровень подготовки кадров заставляет работодателей выбирать не лучших из лучших, а лучших из худших.

В XXI в. успешность вуза *находится в прямой зависимости* от доли специалистов, знания и навыки которых позволяют им *быстро адаптироваться* к постоянно меняющимся требованиям рынка инновационных продуктов и услуг. Говоря иначе, сегодня успешность национальной экономики, ее развитость определяют специалисты, получившие системное образование¹⁶. Поэтому, и здесь нельзя не согласиться с

¹⁶ Как бы некоторым ни хотелось доказать обратное, но факт остается фактом, именно выпускники вузов бывшего СССР, получившие подобное образование, занимают клю-

Правительством, требуется определенный пересмотр стратегии развития *всей* Высшей школы.

Данный процесс не может ограничиться только, например, внедрением инновационных методов преподавания. Главное — сосредоточиться на подготовке профессионалов, *необходимых конкретным отраслям и регионам* Российской Федерации. А это предполагает пересмотр:

- принципов формирования учебных программ;
- форм образовательной деятельности;
- механизмов взаимодействия с наукой и практикой, учитывающих специфику различных уровней управленческой деятельности не только в сфере частного предпринимательства, но также государственного и муниципального управления.

Распространено мнение, что решить данную задачу несложно. Достаточно, например, заменить устаревшие курсы современными, а затем — начитать по ним определенный объем лекций и провести некоторое количество практических занятий.

Однако такой механистический подход не просто неверен. Он опасен.

Квалифицированным специалистом выпускник становится только тогда, когда знания ему передаются *системно*, от простого к сложному. Как известно, в образовательных стандартах 3-го поколения итоговые результаты подготовки выпускника оцениваются с помощью компетенций, перечень которых прописан в каждом образовательном стандарте. А их формирование предполагает последовательное изучение учебных дисциплин и прохождения практики.

Поэтому знания, получаемые на одной кафедре, должны сопрягаться со знаниями, которые дают преподаватели других кафедр. И на последнем году обучения необходимо читать обобщающие курсы, уже на новом качественном уровне. Если же данный подход не реализуется, мы получаем на выходе не специалиста, а дипломника, который никому не нужен, а потому — никогда не реализует своих амбиций.

Сказанное — альфа и омега методики преподавания в любом вузе. Но это лишь исходный, хотя и принципиально важный, постулат.

Как мы писали, стратегической задачей отечественной Высшей школы является организация подготовки специалистов для российской экономики, начавшей движение в направлении инновационной модели развития. Но экономике инноваций нужен штучный товар, а не продукт поточно-массового производства. Адекватно ответить на этот вызов можно только одним способом — ориентируя систему преподавания *на индивидуализацию подготовки* специалистов.

Высшая школа должна предоставлять студентам более широкие возможности по изучению необходимых для их дальнейшей профессиональной деятельности дисциплин, позволяя им тем самым лучше адаптироваться к требованиям рынка труда. Конечно, это приводит к росту затрат на образовательную деятельность, т.к. расширение вариативности учебного процесса увеличивает число малочисленных студенческих групп.

чевые посты как в органах исполнительной и законодательной власти всех уровней, так и в бизнесе. Именно такие *подготовленные сегодня* рядом вузов специалисты пользуются спросом на рынке труда в странах с инновационной экономикой.

Что, в свою очередь, повышает как численность преподавателей, привлекаемых к реализации учебного процесса, так и рост учебной нагрузки.

Но основное внимание следует, конечно, уделить *содержанию процесса обучения*.

Проиллюстрируем это на примере подготовки специалистов экономического профиля, выделив ряд, на наш взгляд, принципиальных содержательных направлений.

Первое направление. Более емко должны быть представлены *теоретические и методические основы* функционирования системы стратегического управления, необходимые для формирования базы современной системы управления не только в частно-корпоративном, но и в публичном секторе.

Студенты должны обладать знаниями и навыком прогнозирования экономических и социальных процессов (в т.ч. их сценарных вариантов). Им надлежит знать, что такое целеполагание в системе управления, как использовать программно-целевые методы управления и бюджетирования. Не обойтись и без понимания сущности, преимуществ и ограничений государственно-частного и муниципально-частного партнерства. Сюда же следует отнести основы деятельности «институтов развития» федерального и регионального уровня, методы инновационного менеджмента, маркетинга и пр.

Второе направление. Подготовка экономистов и управленцев высшей квалификации требует радикального *пересмотра системы правовых знаний*.

Современный экономист, равно как и управленец, профессионально несостоятелен, если не владеет необходимым набором правовых знаний и общей правовой культурой. Поэтому учебные курсы должны включать основы конституционного, гражданского, административного, экологического и пр. права. К сожалению, пока изучение данных дисциплин часто происходит в отрыве от преподавания экономических предметов. Как результат, у будущих специалистов складывается впечатление, что экономика и управление существуют сами по себе, а нормы права — сами по себе.

Данную ситуацию необходимо преодолеть. Этого, например, можно добиться, если в процессе формирования у студентов общей правовой культуры конкретные разделы и тематические блоки правового регулирования интегрировать в соответствующие системные блоки обучения основам экономики и управления.

Такие дисциплины, как публичное (государственное и муниципальное), а также корпоративное управление, основы государственной экономической политики (налогово-бюджетной, социальной, региональной, антимонопольной и пр.), должны преподаваться в единстве их экономических, институциональных и правовых составляющих. Только так можно подготовить кадры, для которых широко распространенный сегодня на всех уровнях управления правовой нигилизм будет нонсенсом.

Наконец, третье направление. Необходимо учитывать, что все процессы управления протекают *через межличностное общение*, даже если оно опосредуется современными системами связи и коммуникаций.

Между тем отечественные экономисты и управленцы слабо осведомлены об основах социальной, в частности, трудовой психологии. Они не владеют практическими навыками организации общения и взаимодействия в коллективе. О том, что такое «благоприятный инвестиционный климат» и что его обеспечивает, знают практически все. Но что такое (наименования условные) «инновационная управленческая культура в бизнесе» либо, например, «позитивные межличностные отношения в коллективе» известно немногим, поскольку то, что их формирует и поддерживает, не доводится до студентов в необходимом объеме знаний и практических навыков.

Однако повторим, и хорошо подготовленный специалист не остается таковым на протяжении всей своей трудовой деятельности. Даже если участие в управлении позволяет ему поддерживать профессиональный уровень, рутина каждодневного исполнения управленческих функций ограничивает возможности получения им новых знаний. Для снятия этой проблемы целесообразно вернуться, но на качественно новой основе, к практике *непрерывного образования*.

Например, имеет смысл установить предельные сроки работы управленцев (прежде всего в сфере государственного и муниципального управления) без прохождения ими переподготовки. Это, конечно, потребует выделения государством, субъектами Федерации и муниципалитетами финансовых ресурсов ведущим экономическим вузам страны. Но только подобный шаг позволит переломить тренд снижения качества управленцев, особенно при движении вниз по управленческой вертикали¹⁷. И экономить здесь нельзя, поскольку, как показывает анализ, уровень подготовки управленцев, особенно на муниципальном уровне, в преобладающем числе случаев не соответствует сложности решаемых ими задач.

И последнее, но не по важности.

Ключевое требование к современной системе высшего образования — выпуск специалистов, способных осмысливать и отвечать на «вызовы» реальной экономики. А это невозможно вне тесной связи Высшей школы с практикой, которая, как известно, «критерий истины».

В РЭУ эта задача решается путем привлечения представителей бизнеса к разработке и реализации базовых образовательных программ. Хорошо зарекомендовала себя и, читаемая в соответствии с профилями учебного плана, система гостевых лекций руководителей и ведущих специалистов компаний. Это не только дает студентам понимание реальных проблем реального бизнеса, но и повышает ценность диплома РЭУ на рынке труда.

Но этого мало. Хотелось бы, чтобы в ближайшем будущем эта связь обеспечивалась *заказом на подготовку специалистов* как со стороны органов власти всех уровней, так и отечественных предпринимателей.

¹⁷ Такое понижение характерно не только для частно-корпоративного, но, что принципиально, для публичного секторов экономики. Часто по этой причине управленческие новации, генерированные на высшем уровне управления, не получают поддержки менеджмента и не воплощаются в жизнь.